

ФЕСТИВАЛЬ

Не надеясь больше на государство, российский театр, похоже, умирать не собирается. «Если у нас что-то не получится, виноваты будем мы сами», — говорит Александр АБДУЛОВ, один из организаторов первого в России театрального фестиваля.

Если фестиваль получится, в декабре будут названы лучшие отечественные режиссеры и актеры, сценографы и хореографы, бутафоры и художники по свету, гримеры и художники по костюмам. Это фестиваль всех театральных профессий. Его учредители — актеры Ленкома и знаменитые «Задворки», которые раньше помогали детским домам и церквям, а сейчас направили энергию и средства на поддержку коллег.

— У музыкантов, танцоров, киноактеров, — продолжает Александр Абдулов, — есть свои фестивали, тогда как у людей театра ничего подобного. И никто по этому поводу не беспокоится. Вот мы и решили сами устроить себе этот праздник.

Конечно, он сильно запоздал. Мы сейчас слышим массу упреков: оказывается, очень многие хотели организовать что-то в этом роде, но по каким-то причинам этого не делали. И вышло, что все хотели, а мы осуществили. Но мы же не против — пусть в России будет двадцать, тридцать театральных фестивалей. Это же лучше, чем ни одного.

— У фестиваля есть название?

— Сначала мы хотели выступать как «Звезда России», но потом узнали, что есть такая водка. Решили, что с этим напитком нам соревноваться будет сложно. Пока работаем без названия.

— Какие награды ожидают победителей?

— Мы хотим, чтобы это были не символические подарки, а дорогие, серьезные призы, чтобы за них действительно боролись.

— Вручение призов будет происходить в Ленкоме?

— Необязательно. Быть может, местом проведения этого праздника окажется Большой театр. Это должно быть грандиозное зрелище.

— Праздник обещает быть довольно дорогим. У вас есть финансовые проблемы?

— Мы ищем спонсоров, и думаю, что най-

Праздник своими силами

Москва новости - 1993. - Октябрь - с. 34

Александр Абдулов и Евгений Леонов в спектакле «Поминальная молитва».

дем, поскольку реклама окупит затраты богатых фирм. Уже есть договоренность с мэром, что город будет соучредителем фестиваля.

— Какие театры примут в нем участие?

— Пока это будут театры Москвы и Петербурга. Но мы приглашаем всех представить спектакли для конкурсного просмотра. Если захотят, могут участвовать и театры студии.

— Каковы критерии отбора?

— Мы не устанавливаем никаких ограничений. Кино, допустим, делится на массовое и для избранных. Но это придуманная элитарность. Так и в театре: есть плохие спектакли и хорошие. Пусть победят лучшие.

— Что, на ваш взгляд, характеризует современную театральную ситуацию?

— Сумбур. Когда все стало дозволено, оказалось, что не так уж и много талантливых людей. Возникли театры-студии, проводятся бесконечные эксперименты. Надеяться и продолжают надеяться, что уж они-то покажут гениальные спектакли. Увы. Грандиозные фильмы, как и спектакли, появляются не так часто. Талантливый спектакль — штучный товар, массовое производство здесь невозможно. Сначала все кинулись ставить про Сталина, просто завалили этим добром зрителя. А ведь есть простые и вечные вещи — любовь, дети.

Разговор о первом театральном фестивале мы продолжили с председателем его жюри Евгением ЛЕОНОВЫМ.

— Евгений Павлович, вы много повидали на своем веку, играли на разных сценах. Какие годы в жизни отечественного театра были самыми плодотворными?

— Жизнь пролетела очень быстро, трудно выделить какой-то один период. Но я никогда не забуду знаменитых артистов прошлых лет, моих учителей: Дикого, Михаила Чехова, молодого Симонова, Певцова, Руссинову, Вахтангова, Гриценко, Яковлева. Я видел расцвет Художественного театра. В 1941 году я, мальчишка, вися где-то на люстре, посмотрел «Трех сестер», где три красивейшие женщины мечтали о какой-то новой прекрасной жизни. Никогда не забуду «Анну Каренину» с Тарасовой. Тогда играли сердечность, доброту, смеялись сквозь слезы и на сцене оставляли кусочек своего сердца. Чтобы достичь глубины, нужно мастерство, а мастерство приходит только через страдание. Однажды Певцов, сидя на кухне с Николаем Симоновым, сказал ему: «Коля, бойся комнатной органики». А сейчас изменилась сама эстетика, «комнатная органика» стала повсеместным искусством. И потом, нет литературы. В прошлом веке сорок писателей лиру перевернули, теперь их целая армия, а литература не та. Театр должен ставить Пьесы — с большой буквой. А у нас предпочитают эффектные мизансцены, забывая о чувствах и страсти — совсем не обязательно крикливой. Страсть может быть тихой.

Мы, конечно, неплохие актеры, но классом помельче, чем те, ушедшие мастера. Но что вы хотите? Какое общество, такое и искусство. Что будет? Может быть, возникнет новый, неожиданный театр. Всплески были, когда опрокидывали буржуазное искусство и устанавливали пролеткульт, и все же при этом вырос МХАТ. МХАТ учился у жизни, а мы — у МХАТа. А напрямую у жизни нам учиться не позволяли. Я еще 20 лет назад хотел играть Шолом-Алейхема, а получилось это только недавно.

Мне как-то в одном театре сказали: «Леонов, поступай к нам. Мы богатые, из-за границы не вылезаем». «А что, такой сильный театр?» — спросил я. «Нет, биржа сильная». Биржа лесом торгует и к своему товарному составу пристегивает вагон — с театром. А что касается фестиваля — дай Бог, чтобы он состоялся. Если найдутся деньги.

Ирина КОРНЕЕВА,
Ольга ФУКС